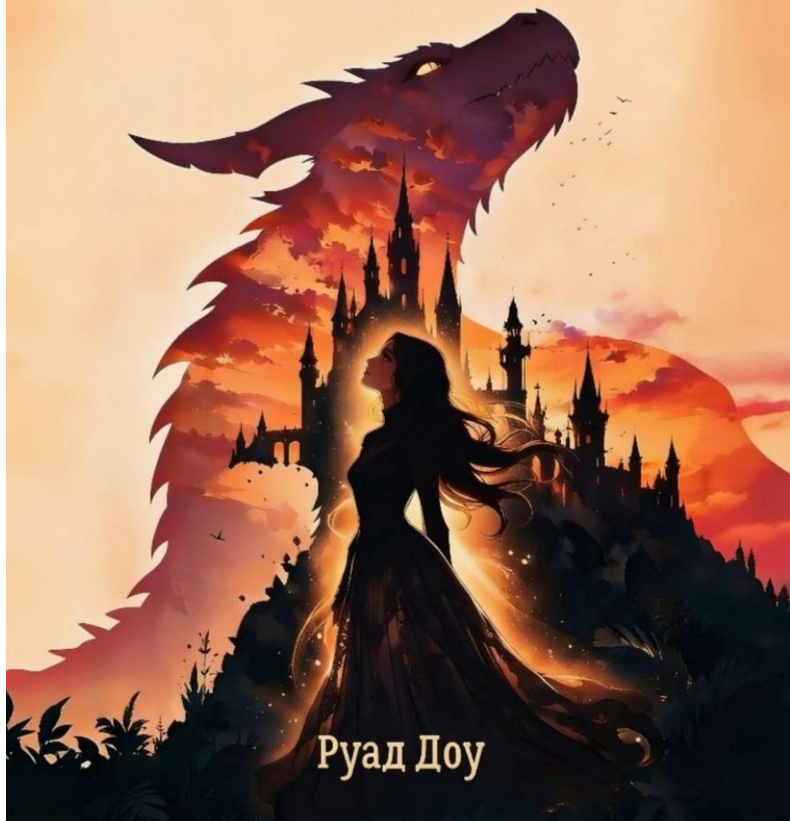

ЭРА ЗАКАТА: *Освобождённая*

Руад Доу

Руад Доу

Эра заката: Освобождённая

<https://litres.ru/74386447>

SelfPub; 2026

Аннотация

Её сила запечатана. И она сорвёт эту печать любой ценой.

Ксанарис Азурейн — полудракон, чью истинную природу отец запер ещё в колыбели. Он отправляет её обучаться в Академию с требованием "найди друзей".

Ксанарис не нужны друзья и знания.

Ее цель любым способом снять печать и вернуть то, чего её лишил отец.

Но Академия оказывается куда сложнее, чем она думала. Здесь в запретном лесу прячется нечто, чему нет названия, а в городе всё чаще исчезают дети.

Когда Ксанарис встречает загадочного старика, обещающего помочь добраться до печати, она соглашается на сделку, не подозревая, во что ввязывается.

Орден Неопалимой Зари, чьи белые плащи уже окрашивают улицы города страхом. Южный фронт, химеры и Вициум — сила, извращающая самые сильные желания.

Ксанарис предстоит узнать ответ на вопрос:

Что страшнее — никогда не стать собой или стать, но потерять всё, что было дорого?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Руад Доу

Эра заката:

Освобождённая

Глава 1

Велюр сидений хранил тепло тела, но не мог согреть рук. Пальцы сжимали плотный прямоугольник конверта — единственное, что отец оставил ей. Она вертела его в ладонях всю дорогу, изучая изгибы бумаги.

У него снова нашлись дела поважнее. Как всегда.

Девушка сорвала печать. Ровные, почти чертёжные строчки — даже в письме чувствовался его характер.

«Дорогая, прости, что не смог проводить тебя лично. Но ты знаешь: есть дела, требующие моего вмешательства».

Она фыркнула, звук получился слишком громким в тишине салона.

«Надеюсь, Академия повлияет на тебя наилучшим образом, и ты пересмотришь своё отношение к другим существам. И, возможно, обретёшь друзей».

Друзей.

Слово повисло в воздухе, чужеродное и неуклюжее. Девушка смотрела на буквы, и те расплывались перед глазами.

ми. Он не проводил. Не сказал ни слова о печати. Оставил бумажку с благими пожеланиями, словно она была дальней родственницей, а не дочерью.

Рывком отодвинув защёлку, Ксанарис распахнула смотровое окно. Хрусталь был холоден. Сквозь него было видно, как под полом кареты струится эфирное свечение, размывая дорогу в призрачный светящийся поток. Туда она и швырнула письмо.

Белый прямоугольник кувыркнулся в воздухе, на миг задержался в голубоватом сиянии, и исчез в темноте, поглощённый скоростью и безразличием ночи.

— Друзей? — прошептала она, глядя в пустоту за окном. Голос её сел, став чужим, низким, с легкой хрипотцой. — Завести друзей среди этого... сброда?

Она захлопнула створку, отрезая путь ветру, и откинулась на спинку.

— О нет, — одними губами произнесла она, глядя, как в хрустале отражаются её глаза — жёлтые, так непохожие на человеческие. — Не думаю, что это возможно.

Она попыталась уснуть, но сон не шёл. Карета мерно покачивалась, скрипела подвеска, за окном мелькали редкие огоньки. Тяжелые, липкие мысли крутились в голове, пока наконец не растворились в темноте.

Когда Ксанарис открыла глаза, солнце уже било в стёкла. Вид за окном разительно отличался от всего, к чему она привыкла. До совершеннолетия она жила в замке, стоящем

в стороне от больших дорог. А единственным соседом ему была маленькая деревушка. «Тихая и захолустная», — думала она тогда.

Академия располагалась посреди бескрайней равнины, за которой высилась череда гор. Отец рассказывал, что когда-то здесь не было ничего, кроме скал и Запретного леса. Потом появилась Академия, а за ней, словно грибы после дождя, вырос целый город: дома, лавки, мощёные улицы. Эти скупые обрывки сведений были всем, что она знала о месте своей ссылки. Она прильнула к окну.

Красиво. Даже необычно, что это смогли создать такие примитивные существа.

Гладь белых стен напомнила ей чешую отца в полёте. В тот день он летел над каретой в своём истинном облике, а она смотрела на его тень, скользящую по земле. Рука сама потянулась к печати в области сердца.

Ксанарис тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли.

Карета стремительно уносила её всё дальше. Уже изда- лека показались шпили Академии — они взмывали в небо, словно гигантские копья, пронзающие облака. Здание было величественным и в то же время изящным: кружево ка- менной резьбы, остроконечные башни и арки. Оно казалось настолько огромным, что могло бы вместить всех жителей Империи. Карета остановилась у центральных ворот. Двер- ца распахнулась. Высоко подняв голову и расправив плечи, Ксанарис направилась к входу, чеканя шаг.

Ну пусть посмотрят. В конце концов, это всё, на что они годятся.

Перед воротами стоял каменный голем с горящими угольками вместо глаз. Он монотонно бубнил, обращаясь к входящим:

— Добро пожаловать. Студенты, проходите на центральную площадь. Добро пожаловать. Студенты, проходите...

Девушка закатила глаза.

Каменная безвкусица. Хотя чего я еще ожидала от этого места?

Она двинулась следом за потоком.

Площадь пестрила народом. Студенты сбивались в кучки, инстинктивно жались к своим. Люди толкались локтями у фонтана. Чуть поодаль замерла группа эльфов — прямые спины, презрительно приподнятые брови, идеальные линии светлых одежд. Зверолюды держались особняком, у самой стены, словно и здесь чуяли опасность. Остальных рас не было видно вовсе. Из редких уроков во дворце Ксанарис знала, что есть те, кто привык передавать знания не через стены Академии, а собственным, диким путём, где выживает сильнейший.

Она остановилась на краю площади и медленно, с нарочитой леностью, скользнула по нарядам девушек.

Безвкусица. Эти кричащие цвета, дурацкие рюши... Словно ярмарка невест, а не Академия.

Взгляд зацепился лишь за одну фигуру — эльфийку в

бледно-зелёном шёлке, с волосами, уложенными в сложную небрежную причёску.

Почти достойно...Почти.

Она шагнула в самую гущу, не сворачивая и не обходя, заставляя толпу ворчащих студентов расступаться. Девушка чувствовала на себе взгляды. Они скользили по чешуйчатому жилету, по белому меху, по сапогам из воронёной кожи.

Может быть, встреча с такой, как я — единственное значимое событие в их никчёмных жизнях.

Она встала в центре площади, скрестив руки на груди, и устояла в пустоту перед собой. Тишину сменил шёпот. Он пополз по площади, как назойливое насекомое. Ксанарис нехотя повернула голову к входу.

В проёме ворот, в обрамлении каменной арки, стоял эльф. Высокий, светловолосый. Длинные волосы переливались на солнце чистой платиной, а цвет глаз казался неестественно голубым. Он смотрел поверх толпы, словно никого не замечая. Рядом с ним полуколем замёрла свита — такие же светлые.

Ксанарис мельком взглянула на него и тут же отвернулась.

Что за надменный идиот?

Эльф тем временем шагнул вперёд, и волна девичьих вздохов прокатилась по площади, как морской прибой. Он проходил совсем близко, и, когда их взгляды случайно встретились, парень улыбнулся. Ксанарис не ответила. Она сделала шаг в сторону, чтобы не касаться его взглядом. Её плечо

столкнулось с кем-то. Ксанарис резко повернула голову, сведя брови, готовая обрушить на эту жертву всё недовольство, копившееся с момента зачитывания отцовского письма. Но девушка ни капли не смутилась. Она смотрела вслед эльфу, и её голос, звонкий и быстрый, полетел следом:

— Ты вот видела когда-нибудь эльфов вживую? Я вот только поступила, а их тут целая толпа. Говорят, драконы вообще ландшафты силой мысли меняют. Вот бы встретить.

Ксанарис развернулась к незнакомке спиной и улыбнулась уголоком рта.

Ну, тогда тебе невероятно повезло.

Гул толпы оборвался. Воздух над площадью стал густым, как перед грозой. Все собравшиеся как по команде подняли головы к небу. С небес плавно опускался мужчина. Его фигура постепенно становилась больше и яснее. Короткие волосы с проседью, острый, пронизывающий взгляд. Человек, — определила Ксанарис и уже хотела отвернуться, но не смогла. От него исходила колоссальная грубая и давящая сила.

Он едва заметно шевельнул губами, и его голос приобрёл объём, вибрируя в грудной клетке:

— Приветствую вас в Академии Люмен. Моё имя Териан Шелл, я директор этой Академии.

Он не делал паузы для аплодисментов. Пара рук, которые уже поднялись для торжественного хлопка, беззвучно опустились на место. Ксанарис приподняла уголки губ.

— Вам предстоит долгий путь постижения эфира. Здесь

обучаются представители всех рас. В Академии нет религиозной составляющей. Посему есть главное правило: соблюдать порядок. За разжигание конфликтов на территории — немедленное отчисление.

Он сделал паузу, обводя толпу новичков тяжёлым взглядом. Ксанарис показалось, что он смотрит прямо на неё.

— Номера ваших личных комнат, а также распределение по учебным группам вы найдёте по номеру на ваших руках.

Какому еще номеру?

Едва эта мысль успела оформиться, как тыльную сторону ладони обожгло. Она удивлённо посмотрела на руку: на коже, сияя мягким эфирным светом, проявилась цифра — 37. Она перевела взгляд. Вокруг царило замешательство — студенты рассматривали свои руки, сравнивали цифры. Взгляд Ксанарис сам собой скользнул в сторону эльфийской свиты. Тот самый «надменный» эльф как раз поднял руку, отстраняя от себя восторженную девушку, и на его тыльной стороне ярко горело число 42.

— В холле Академии вы найдёте полные списки, — продолжил директор. — Надеюсь, годы вашего обучения послужат на благо Империи.

Он закончил речь, продолжая неподвижно парить. Толпа, почувствовав незримое разрешение, взорвалась вежливыми аплодисментами. Директор, не прощаясь, растворился в воздухе так же внезапно, как и появился. Поток студентов с громкими возгласами немедленно устремился к сияющим

вратам. Ксанарис не двинулась с места. Толпа обтекала её, подобно реке, обтекающей камень.

— Ещё не хватало мешаться с этой оравой, — буркнула она. — Пусть разойдутся.

Только когда вокруг воцарилась тишина, она наконец сделала шаг. По аккуратно выложенной плитке, она вошла в прохладный полумрак холла. Высокие своды тонули в сумерках, на стенах работали эфирные светильники. В холле было пусто — студенты разбрелись. Она скользнула взглядом по листкам с распределением, ища цифру 37. Найдя свой номер, взгляд невольно переместился ниже. Номер 42 значился в той же строке. Ксанарис нахмурила брови.

Свою комнату она нашла так же быстро. Одного взгляда на карту хватило, чтобы понять: она будет жить в человеческом секторе.

Это... ошибка. Не могли же меня поселить к этим отбросам? Серьёзно?

Карта указывала направление на западный сектор. Ксанарис сложила листок и спрятала его в карман. Путь до человеческого общежития оказался долгим. Солнце клонилось к закату, окрашивая белые стены Академии в грязно-розовые тона, когда она, наконец, увидела нужное здание. Общежитие людей оказалось массивным каменным блоком. Серым и мрачным. Этажи громоздились друг на друга без всякого изящества. Оно не имело ничего общего с прекрасным корпусом эльфов, который она видела по пути. Вместо благо-

родного мрамора, увитого плющом и изящных арок её встречала простая геометрия.

Я же не человек! Неужели нельзя было выбрать место поприличней?

Она застыла перед дверью, наблюдая за входом. Люди сновали туда-сюда, толкаясь и переговариваясь.

Просто отвратительно!

Она сделала глубокий выдох, словно перед прыжком в ледяную воду, и зашла внутрь. В воздухе витал чужой запах — древесный, пыльный, не имеющий ничего общего с её родным домом. Там, в поместье, ветер приносил свежий аромат полей. Здесь же воздух казался удушливым. По спине пробежали мурашки. Она толкнула дверь комнаты 37 и замерла на пороге.

На одной из кроватей сидела девушка примерно её возраста — круглолицая, с тёплыми глазами и короткими светло-русыми волосами, заплетёнными в хвост. Увидев Ксанарис, она широко улыбнулась, будто они были знакомы сто лет.

— Ой, привет! Мы с тобой, кажется, уже виделись на площади. Здорово, что мы соседки! Меня Кларой зовут. Заходи, я твою половину оставила свободной.

Ксанарис молча прошла внутрь. Голубые глаза, искренняя улыбка, этот щебечущий голос.

Как они все одинаковые. Громкие, навязчивые, липнут, как мухи.

Она подошла к своей кровати, чувствуя, как между лопатками собирается напряжение. Сделав незаметное движение, она достала из подпространства несколько вещей и начала аккуратно раскладывать их. Клара, похоже, приняла молчание за приглашение продолжать.

— Я из Риверфилда, это совсем рядом. Отец так радовался, когда узнал, что я прошла отбор... У нас в роду вообще ни одного практа не было, представляешь? А ты откуда? Имя у тебя такое красивое — Ксанарис, да? Очень необычное.

Ксанарис медленно выпрямилась. Повернулась к соседке.

— Послушай, Клара, — произнесла она тихо, но с такой ледяной чёткостью, что улыбка на лице девушки дрогнула. — Я сюда не за подругами приехала. И уж точно не затем, чтобы слушать щебетание деревенской девчонки. Если хочешь спокойной жизни — не лезь ко мне. Не говори со мной. Даже не дыши в мою сторону громче, чем нужно.

Клара моргнула. На щеках вспыхнул румянец. Ксанарис отвернулась, давая понять, что разговор окончен. Но через две минуты услышала осторожный, уже гораздо более тихий голос:

— Я... я просто хотела предложить сходить вместе за формой и учебниками. Их на верхнем этаже выдают.

Ксанарис замерла.

Упрямая.

Обычно после таких слов люди либо начинали бояться, либо обижались. А эта... всё ещё пыталась быть полезной.

Внутри что-то неприятно шевельнулось.

— Хорошо, — наконец бросила она, не оборачиваясь. — Проведёшь. Но молча.

Пока они шли по коридору, Ксанарис чувствовала на себе осторожные взгляды соседки. Та явно умирала от желания задать миллион вопросов, но держалась.

Уже у самой комнаты выдачи Клара не выдержала:

— Можно только один вопрос? Совсем маленький.

Ксанарис остановилась и посмотрела на неё сверху вниз. В янтарных глазах было столько холода, что Клара невольно поёжилась.

— Фамилия у тебя... Азурейн? — почти шёпотом спросила она.

На мгновение Ксанарис позволила себе самодовольную, чуть хищную улыбку.

— Да. Ксанарис Азурейн.

Клара тихо ахнула и сделала маленький шаг назад.

— Так ты... из тех Азурейн?

— Именно.

Ксанарис повернулась и пошла дальше, не дожидаясь реакции.

Пусть знает, — подумала она, заходя в пыльную комнату выдачи. Может, тогда быстрее поймёт, с кем делит комнату.

Комната выдачи находилась на верхнем этаже. Тускло освещённая, с облупившейся краской на стенах. Внутри толпилась небольшая очередь — человек десять первокурсни-

ков мялись у стойки. Ксанарис поморщилась. Она прошла вперёд, бесцеремонно отодвигая плечом всех, кто попадался на пути, и встала в начало очереди. Студенты стали возмущаться. Шёпот перетекал от одного к другому. Собравшиеся загудели. Кто-то фыркнул за спиной, а затем чья-то рука коснулась её плеча.

— Эй, куда ты идёшь вперёд очереди?

Она даже не посмотрела на говорившего. Ксанарис лениво сжала пальцы. Воздух в её ладони хлопнул, сжимаясь в плотную, звенящую от напряжения сферу. Статика щёлкнула по носу парня, а температура вокруг упала так резко, что у него побелели губы.

Парень посмотрел на её руку, затем в глаза, и молча сделал несколько шагов назад.

— Я иду первой, — тихо сказала она. — Потому что могу.

За столом выдачи формы стояла женщина средних лет с уставшим лицом.

— Назовите фамилию, — пробубнила она, даже не поднимая головы.

— Азурейн, — произнесла Ксанарис чуть громче.

В комнате мгновенно стало тихо. Словно кто-то выключил звук. Женщина замерла, несколько секунд вглядывалась в неё, а затем молча достала из-под полки бумажный свёрток.

— Держите. Всю одежду студенты стирают сами. Если придёт в негодность — приходите, заменим, — голос её

утратил прежнюю усталую безразличность.

Ну конечно. Так я и буду стирать.

Она взяла свёрток, даже не кивнув в знак благодарности, и направилась к выходу. В коридоре её догнала запыхавшаяся Клара.

— Стой, ты куда? А учебники?

— Мне они не нужны, — отрезала Ксанарис, даже не сбавляя шага.

Она пошла дальше, в сторону комнаты, оставив Клару растерянно стоять в коридоре.

Глава 2

Почему так шумно?

Вопрос царапнул по тишине сна, разрывая его в клочья.

Ксанарис резко села на постели. Пульс стучал в висках. Клара, уже одетая и собранная, с деловитым шорохом утрямбовывала в сумку учебники.

— О, ты проснулась? — в голосе соседки слышалось удивление, смешанное с упрёком. — У тебя есть пятнадцать минут до начала занятий, соня.

Что?

Ксанарис перевела взгляд на часы. В животе образовалась пустота. Вчера она не распаковала форму. Вчера она вообще старалась не думать о том, что это утро настанет.

Внимание скользнуло на Клару, потом на нераскрытый свёрток с одеждой, лежавший на тумбочке. К горлу подкатила тошнота.

Это не одежда. Это черное... нечто.

Она уже чувствовала кожей грубую ткань, представляла, как будет душить этот идиотский изумрудный галстук.

Как же я не хочу идти... Ну... хотя бы посмотрю на это собрание.

— Тебя подождать? — Клара нетерпеливо переминалась с ноги на ногу у двери.

— Не нужно. — Голос Ксанарис прозвучал сухо. — Скажи

лучше, где тут душ?

— Ты не успеешь... — начала Клара, но, встретившись с её глазами, осеклась. — В конце коридора, последняя дверь налево. Я займу тебе место в аудитории.

Дверь за Кларой закрылась. Девушка мельком взглянула на часы, лежавшие на тумбочке. *Без пятнадцати восемь.*

Кто вообще встаёт в такую рань?

Ксанарис схватила пушистое, мягкое полотенце — и в лёгкой ночной рубашке выскользнула в коридор общежития.

Общий душ придуман специально как отдельный вид мучений для меня.

Студенты, уже одетые в неприятную ей форму, спешили мимо, задевая взглядами. Душ, на удивление, оказался приличным и пустым. Под горячими струями она закрыла глаза и позволила себе минуту слабости. Вода барабанила по спине, смывая остатки сна.

Вот бы смыть эту Академию как страшный сон.

Ксанарис провела по лицу, убирая мокрые волосы и чувствуя, как дрожь бежит по рукам.

Я не одна из них. Я лучше.

Струи воды ослабли, зашипели и исчезли. Пришлось возвращаться и одеваться.

Форма сидела мешковато, ткань колола шею. Ксанарис криво усмехнулась своему отражению. Собрав влажные волосы в тугий хвост, она щёлкнула пальцами, творя простой вект. На лице проявился безупречный макияж: тёмные, хищ-

но подведённые стрелки и нежная, чуть влажная помада.

Девушка придирчиво осмотрела себя.

Как всегда безупречна.

С сумкой в руке она вышла из комнаты. Первым занятием в расписании значилось знакомство с куратором. Коридоры Академии оживали с каждой минутой. Студенты спешили мимо, некоторые оглядывались на неё, шептались за спиной. Ксанарис не обращала внимания — она сосредоточенно сверялась с картой, которую взяла ещё вчера. Внезапно воздух вибрировал. Раздался звон, похожий на удар гигантского колокола.

Звонок? уже?

Звук прошёл сквозь стены, отозвавшись в грудной клетке. Она ускорила шаг, поворачивая за угол, и оказалась перед массивной дубовой дверью. Сквозь дерево доносился гул голосов — студенты уже собрались. Ксанарис взялась за ручку и вошла. Шум стих мгновенно. Десятки глаз устремились на неё. Их внимание ощущалось физически — тяжёлое и давящее. Она мельком взглянула на кафедру: преподавателя ещё не было. Ксанарис сделала несколько шагов вперед, скользя взглядом по рядам в поиске свободного места.

Всё занято?!

Ладони стали влажными.

Это какая-то ошибка. Да я развернусь и уйду.

Но в этот момент чья-то рука взметнулась вверх, разрезая воздух.

— Ксанарис! Давай ко мне, я заняла место!

Девушка замерла. К горлу неожиданно подступил тугой, горячий ком. Кивнув, она скользнула на соседний стул рядом с Кларой. И в ту же секунду каждой клеточкой тела она ощутила внимание. Ксанарис обернулась. Все студенты что-то обсуждали, кроме одного — того самого эльфа.

Что он там уставился?

В аудитории повисла плотная тишина. В дверях стоял мужчина. Тёмные коротко стриженные волосы, холодная синева глаз за стёклами очков, безупречно сидящий чёрный фрак. Все глаза приклеились к нему. По рядам прокатился тревожный, возбуждённый шёпот. Клара склонилась к Ксанарис:

— Это Теодор Люмен! Потомок основателя Академии.

— И всё? — Ксанарис хмыкнула.

Клара мечтательно закатила глаза:

— Ксанарис, ты серьёзно? Мы смотрим на **ОДНОГО** человека?! У него открыто восемь ядер.

— Это много?

Клара цыкнула на неё и ничего не ответила.

Теодор Люмен молча стоял и смотрел на класс. Шёпот стих сам собой, растворившись в напряжённом ожидании.

— Что ж, — наконец произнёс он. Его голос, негромкий, но отчётливый, заполнил всё пространство. — Полагаю, вы уже успели меня обсудить. А для тех, кто не успел, представлюсь сам. Я — Теодор Люмен. И да, вам несказанно повезло:

я назначен вашим куратором. Куратором элитного класса.

Ксанарис вскинула голову.

Элитный? Значит, их всех считают мне ровней?

Она сдержала горький смешок.

Какая нелепая ошибка.

Люмен развернул свиток. Когда он заговорил снова, в его тоне послышалась насмешка.

— Так, посмотрим... Вижу, в этом году набор действительно интересный. Принц эльфов, — он чуть кивнул в сторону Лаэрнона. — Человек, набравший максимальный балл при поступлении... — взгляд Люмена едва заметно скользнул в сторону Клары. — И...

Ксанарис медленно перевела взгляд на соседку.

Она?

Клара сидела, опустил глаза и согнув плечи, будто пытаюсь стать меньше. Ксанарис почувствовала укол холодного раздражения.

Максимальный балл? У этой деревенской девчонки?

— ...дракон. По классу прокатился шёпот — кто-то ахнул, кто-то хихикнул. Сердце пропустило удар, а потом забилося так сильно, что она слышала его в ушах. Жар ударил в лицо, и руки предательски дрогнули.

Сейчас они узнают... поймут своё место и...

— Хотя нет, простите, — поправился Люмен, глядя в свиток. В его голосе отчётливо звякнула капля пренебрежения.

— Полудракон.

Она вскочила, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони. Воздух вокруг неё задрожал и загустел, наполняясь потрескивающей энергией. Ручки на столе жалобно звякнули и приподнялись. Щелчок пальцев преподавателя — и невидимая сила припечатала её обратно к стулу.

— Ксанарис Азурейн, — голос Люмена сочился едким сарказмом. — Вас не обучали манерам? Или вы недостаточно изучили правила Академии?

Она попыталась вырваться, но вект вдавил в стул крепко, не давая сделать вдох.

Как он смеет? При всех — вот так унижать меня одним этим словом?!

Люмен, казалось

сь, читал её мысли. Он спокойно выдержал её взгляд, полный презрения и ярости, и, прежде чем отвернуться к свитку, добавил с безупречной вежливостью, от которой у Ксанарис свело скулы:

— Посидите спокойно. Класс ещё не закончил знакомство с вами.

Острая, злая усмешка тронула её губы.

Этот человек даже не представляет, что такое ощущать эфир по-настоящему.

Секунда — и чернильница на парте Клары дрогнула. Крышка откинулась, и чёрная жижа медленно, словно живая, потекла по столу, направляясь к краю — прямо на безупречный фрак преподавателя.

Точно в цель. Или...

Чернила не долетели. Они вспыхнули на полпути алым огнём, осыпавшись пеплом. Преподаватель даже не повернул головы.

Чёрт! Да чтоб его!

— Ваше поведение недопустимо, — его голос пробирал до мурашек.

— Да как вы смеете? Да я... — взорвалась Ксанарис.

— И что вы сделаете? Расскажите отцу?

Ксанарис замолчала. Она не проронила ни слова, вспоминая ровные строчки письма и чувствуя, как горит ненавистная печать на сердце. Теодор Люмен продолжил:

— Советую сосредоточиться на учёбе. Иначе вы не заметите самого очевидного. Вы очень слабы.

Он пожалеет о каждом слове. Я прослежу за этим.

Но вект держал крепко, не позволяя двинуться. Тишину разорвал резкий треск помех. Голос из динамика разнёсся под сводами аудитории:

— Ксанарис Азурейн, пройдите к директору. Срочно.

Теодор Люмен приподнял уголки губ — от этой улыбки внутри всё сжалось. Он щёлкнул пальцами — и оковы векта спали, позволив ей дышать.

— Идите, мисс Азурейн. Вас ожидают. Не смею задерживать.

Ксанарис встала. Вложив в прощальный взгляд, всю кипящую ненависть. Люмен даже не моргнул. Он лишь смотрел на неё, слегка приподняв бровь, с тем же спокойным выражением, что и раньше. Краем глаза она заметила, как Клара дёрнулась, словно собираясь встать, но так и осталась сидеть.

Не говоря ни слова, она вышла, чеканя шаг, чувствуя спиной прожигающее внимание аудитории. А едва дверь за ней

закрылась, тишину позади разорвал приглушённый смех од-ногруппников. Он преследовал её до самого поворота. В коридоре было тихо, только её шаги отдавались эхом от каменных стен.

Наконец-то тишина. Хотя бы здесь никто не смотрит на меня как на...

Девушка прислонилась к прохладной каменной стене.

Самый отвратительный день в моей жизни...Полудракон.

При одном воспоминании внутри что-то сжалось от боли.

В этом он был прав. Я действительно лишь половина. Она терпела эту академию только ради одной цели: найти способ получить запечатанную драконью силу. Руки цеплялись за ткань юбки.

Этот человек словно знал, куда бить. Я его ненавижу.

Руки дёрнулись, сжимаясь в кулаки до боли.

Ксанарис шла по коридорам механически, не поднимая глаз, пока не оказалась перед массивной дверью кабинета директора. Путь показался бесконечным — каждый шаг отдавался эхом в пустых коридорах, а слово "полудракон" пульсировали в висках, не давая сосредоточиться. Она остановилась перед дверью, сделала глубокий вдох, собираясь с духом, и постучала. Стук вышел громче, чем она планировала. Дверь распахнулась сама собой.

Кабинет оказался просторным, залитым мягким светом магических светильников, плавающих под высоким потол-

ком. Стены скрывались за стеллажами, полными древних фолиантов, свитков и каких-то диковинных артефактов. В воздухе пахло старыми книгами, воском и чуть заметно — дымом.

За массивным письменным столом сидел пожилой мужчина. Его лицо пересекала сеть глубоких морщин, а седые волосы были убраны назад, открывая внимательные, выцветшие от времени, но всё ещё острые глаза. Ксанарис стояла на пороге, не проронив ни слова. Мужчина выдержал паузу и заговорил первым:

— Здравствуй, Ксанарис. Проходи. Мы уже виделись, но теперь рад познакомиться лично.

— Зачем вы меня вызвали? — голос прозвучал холоднее, чем она ожидала. — Вы оторвали меня от великолепного знакомства с куратором!

Директор усмехнулся в седые усы. Ксанарис почувствовала, как в груди поднимается новая волна гнева — эта понимающая, почти отеческая усмешка бесила сильнее, чем открытое издевательство.

— Люмен — сложный человек, — мягко сказал Шелл. — Он не всегда умеет быть мягким. Не принимай всё близко к сердцу.

— Мне плевать, какой он. — Ксанарис чувствовала, как напряжённо дёргается жилка на виске. — Зачем вы меня позвали?

— Твой отец прислал письмо. — Директор потянулся к

ящику стола, но прежде добавил: — Велитор Азурейн — благородный защитник нашего Объединённого королевства. Много лет назад он вытащил меня из передраги. Если бы не он, я бы здесь не сидел.

В груди что-то оборвалось.

Она смотрела на директора, и внутри поднималась волна возмущения.

Опять одно и тоже, он герой... А я? Я кто? Просто тень, которую он оставил?

— Отдайте письмо, — перебила Ксанарис, даже не дав ему закончить.

Териан Шелл замер. Его брови удивлённо поползли вверх. Несколько долгих секунд он смотрел на неё в упор. Челюсти Ксанарис сжались, а взгляд был прикован к директору. Наконец он покачал головой, протянул руку к ящику стола и достал аккуратный запечатанный конверт.

— Держи. И помни: если понадобится помощь — обращайся. В знак долга твоему отцу.

Ксанарис, уже взявшаяся за ручку двери, резко развернулась на каблуках.

— Дайте мне отдельную комнату.

— Я не могу этого сделать.

— Вы же директор этого... этого проклятого зверинца! — голос сорвался. — Почему?

— Потому что такой была просьба твоего отца.

Ксанарис замерла.

Отец? Он сам...

— Всё ясно, — выдавила она сквозь зубы. — До свидания.

Она вылетела в коридор, не дожидаясь ответа, и захлопнула за собой дверь.

До следующей пары оставалось время. Ноги сами вынесли на улицу, в академический сад. Здесь было тихо и безлюдно. Сад встретил её буйством красок: раскидистые кроны деревьев отливали изумрудом и золотом, редкие магические цветы светились в тени мягкими огоньками, узкие гравийные дорожки вились между аккуратными клумбами. Где-то журчал невидимый фонтан. Ксанарис опустила на первую попавшуюся скамью, сжав в руках конверт.

Сам отправил. А я теперь расхлёбываю.

Она открыла письмо.

Всё тот же родной, чуть размашистый почерк.

«Моя дорогая Сана...»

Ксанарис зажмурилась.

Сана... Только он так меня называет.

«...надеюсь, моё письмо пришло точно в срок и я успел поздравить тебя с началом учебного года. Я всё так же надеюсь, что ты обретёшь в этой академии нечто большее, чем просто знания. Есть вещи гораздо важнее силы: дружба, любовь, умение доверять. Перед тобой открывается огромный мир, и я надеюсь, что ты сможешь открыть свою душу ему навстречу. Я буду следить за твоей успеваемостью, и, если к концу обучения твои оценки будут выше четвёрки, обещаю

снять печать. Люблю. Твой папа». *Опять его идеалы. Дружба, любовь... Да что он вообще знает?*

Она не придавала значения его обещанию.

Я всё сделаю сама.

Звонок на пару прозвенел неожиданно громко. Она аккуратно сложила письмо, ещё раз взглянув на строчки, и поднялась. Спрятала конверт во внутренний карман пиджака — ближе к сердцу. Ксанарис подошла к аудитории и увидела единственное свободное место — рядом с Кларой. Липкие взгляды приклеивались к ней, ползли по спине. Кто-то хмыкнул, кто-то шепнул соседу — она не разобрала слов, но слышала смех. Она шла к своему месту, гордо поднимая голову.

Только Ксанарис села, как соседка тут же повернулась:

— Почему тебя вызвал директор? Ты уже успела кого-то испепелить взглядом? — Клара потянулась к её плечу. Рука зависла в воздухе.

Ксанарис отшатнулась.

— Не твоё дело. — Голос её звучал ровно.

— Ладно, потом договорим...

В этот момент в аудиторию стремительно вошла преподавательница, что-то бросила в качестве приветствия, представилась. Ксанарис не запомнила имени.

Все зашелестели страницами. Учебника у неё не было. Клара молча, не глядя на неё, подвинула свой учебник на середину парты.

Ну и зачем?

Ксанарис мельком взглянула на старые, потрёпанные страницы, прочитала название: Основы праксеологии.

Голос преподавательницы звучал где-то далеко, словно сквозь толщу воды.

Мне это не нужно.

Она сидела, уставившись в одну точку, и пальцы сами — помимо воли — начали крутить шарик из воздуха. Прозрачный, послушный малейшему движению мысли. Сжала в кулак, разжала — он перетёк в другую ладонь.

— ...кто знает, что такое эфир? — скрипучий голос преподавательницы врезался в её мысли. Клара подняла руку и заговорила. О компаньонке короля-объединителя, которая открыла существование эфира и принципы взаимодействия с ним.

Ксанарис слушала рассеянно, продолжая перекачивать шарик.

Смешно. Великое открытие. Я умею это с рождения.

— Ого, вы обладаете феноменальной осведомлённостью, — скрипнула преподавательница. — Вы правы, эфир — это то, что нас окружает. Но нужно научиться с ним взаимодействовать и направлять. На наших занятиях мы будем этому учиться. Для начала, вам необходимо открыть первое ядро. Сейчас я научу вас этому приёму.

Шарик в руках Ксанарис сжался, стал плотнее.

— Мисс... — голос приблизился. — Чем это вы занимаетесь?

Ксанарис подняла голову. Преподавательница стояла над ней, впившись взглядом в её руки — в которых всё ещё пульсировал плотный воздушный шар.

Тишина в аудитории стала тягучей. Кто-то ахнул. Кто-то хихикнул.

Ксанарис медленно разжала пальцы. Шар исчез, растворился в воздухе.

Она медленно поднялась. Мельком заметила встревоженное лицо Клары, её побелевшие пальцы, вцепившиеся в край парты. И направилась к выходу.

— Мисс, что вы себе позволяете? Ещё идёт урок, немедленно сядьте на место!

Ксанарис остановилась. Обернулась через плечо.

— Мне не интересен ваш урок. Эфир и так подчиняется моей воле — без вашей убогой праксеологии. Так что удачи.

Преподавательница хотела что-то сказать, но Ксанарис уже закрыла дверь. Она осталась одна в пустом коридоре. Прислонилась спиной к стене.

Да чему они тут смогут меня научить?

Она медленно пошла вперёд, не зная куда, просто подальше от этой аудитории. Коридоры Академии тянулись бесконечными лабиринтами — каменные арки, витражи с магическими узорами, портреты бывших директоров, чьи глаза, казалось, следили за ней. Где-то вдалеке звучали голоса студентов, но здесь, в этом крыле, было пусто.

Ксанарис шла механически, не поднимая глаз.

Полудракон. Полудракон. Полудракон.

Слово пульсировало в висках, не давая сосредоточиться. Она сжала челюсти так, что заболели скулы. Свернула за угол. Ещё один поворот. И тут же остановилась — чуть не врезалась в знакомую фигуру. Теодор Люмен стоял напротив. Ксанарис вскинула подбородок и пошла мимо, глядя сквозь него.

— Мисс Азурейн, — голос его прозвучал спокойно, почти лениво. — Почему вы не на занятии?

— Не ваше дело.

— Я ваш куратор. — Он усмехнулся. — Вас выгнали?

— Какая вам разница?

— Значит, точно выгнали.

— Я сама ушла. — Ксанарис остановилась, обернулась. — На праксеологии я не узнаю ничего нового. Люмен молча смотрел на неё несколько секунд. Потом вытащил из подпространства потёртую записную книжку в кожаном переплёте и протянул ей.

Ксанарис даже не сдвинулась с места.

— Что это?

— Мой конспект.

— Ну и? Зачем он мне?

— У вас хороший потенциал. — Он говорил ровно, без насмешки. — Но пока вы думаете, что лучше всех, остальные обскочут ещё в середине семестра. Снимите корону и учитесь. Считайте это добрым советом.

Ксанарис смотрела на книжку, потом на него.

Добрый совет? С какой стати?

— Оставьте её себе. — Голос её звучал холодно. — Мне это не нужно.

Люмен не настаивал. Он кивнул и спрятал книгу обратно в подпространство.

— Это ваше дело, мисс Азурейн.

И пошёл вперёд по коридору, даже не оглянувшись.

Ксанарис осталась стоять, глядя ему в спину.

Почему он это сделал?

Она блуждала по коридорам, пока не вышла через боковую арку на улицу. И тут же остановилась.

Посреди небольшого внутреннего дворика, на круглом постаменте из чёрного камня, возвышалась статуя. Белый мрамор, почти как живой — складки платья, пряди волос, тонкие пальцы, поднятые к небу.

Основательница Академии.

В её руках, прижатый к груди, сиял огромный кристалл — такой чистый, что казался застывшим светом. Вокруг статуи вился плющ, а у подножия кто-то положил свежие цветы.

Ксанарис медленно обошла статую, вглядываясь в каменное лицо. В нём было что-то знакомое. Что-то, что она видела на старых портретах в отцовском кабинете.

Знал ли мой отец её лично?

Мысль прозвучала странно — основательница умерла столетия назад. Но она не знала точный возраст отца, и он

вполне мог знать при жизни Ларетту Люмен. Она опустилась на скамью у дворика, достала письмо. Не открыла — просто держала в руках, чувствуя, как пальцы греются о плотную бумагу. Солнце припекало. Где-то высоко пели птицы. Впервые за весь день Ксанарис позволила себе просто сидеть и ни о чём не думать.

Звонок. Короткий, отрывистый обозначил конец пары.

Из здания хлынул поток студентов. И, разумеется, Клара.

Никуда от неё не спрятаться.

— Ты почему тут? — соседка запыхалась, будто бежала.

— Пошли поедим, пока всё не разобрали. Сегодня больше пар не будет.

Ксанарис вспомнила, что не ела ничего со вчерашнего вечера. В животе предательски заурчало.

Ну пусть попробует быть полезной.

— Показывай где столовая.

Клара кивнула и повела её дальше по коридору. Высокие окна, светлый камень, витражи с тонкими узорами векта — Академия выглядела выверенной до последней линии. Всё вокруг было слишком аккуратным, слишком продуманным, и у Ксанарис от этого свело челюсть.

Столовая встретила их просторным залом. В центре — длинные столы, выстроившиеся ровными рядами, как на казарменном построении. Слева тянулась зона раздачи: светлые столы, ряд аккуратных лотков, серебристые котлы и стеклянные витрины с едой. За прилавком быстро двигались

студенты-раздатчики, а над всем этим поднимался густой, тяжёлый запах варёной крупы. У раздачи уже стояли студенты, и очередь двигалась медленно, с ленивыми остановками и тихим недовольным гулом.

Я должна ждать?

— Ну чего медлишь? — Клара слегка подтолкнула её к раздаче. — Сейчас расхватают кофе, нам не останется. Двигай быстрее.

Еда показалась Ксанарис унылой. Дома был личный повар, который по утрам готовил ей тонкие блинчики с черничным вареньем — именно такие, как она любила. Тут тоже были блинчики. Но серые, плотные, на вид как резина. Она взяла только чашку кофе и кусок шоколадного торта. Взяла поднос и села за свободный столик у окна. Через несколько минут рядом плюхнулась Клара — на её подносе стояла какая-то жёлтая каша, от которой шёл пар. Ксанарис поморщилась.

— Ой, сегодня был такой замечательный день, я столько всего узнала, — Клара зачерпнула ложку каши, отправила в рот и с набитым ртом спросила: — А тебе как?

— Нормально. Только этот Люмен...

— Ну... он сын...

— Да-да, — перебила Ксанарис. — Я всё это уже слышала.

— Он самый сильный практ нынешней эпохи. У него же восемь ядер.

— Почему вы так упёрлись в эти ядра? Что они дают?

— Я поражаюсь, что ты ничего не знаешь о ядрах.

— А я поражаюсь, как ты не умеешь использовать эфир,

— сухо отрезала Ксанарис. — Так что просто расскажи.

— В теле человека может быть открыто до девяти ядер. И вот... у него восемь. Это очень круто.

— А почему не девять? По твоей логике девять было бы круче — Ксанарис улыбнулась.

Клара удивлённо подняла голову от тарелки.

— девять открыл только один человек. Основательница Академии. Открывать ядра сложно, это тебе не в лавку сходить.

Ксанарис ничего не ответила. Отломала вилкой кусочек торта, но есть не стала — только смотрела, как крошки падают на белую тарелку.

Остальное время ели молча. Клара то и дело поднимала голову от тарелки, открывала рот, словно собираясь что-то сказать, но Ксанарис продолжала молчать — не давала ей даже шанса.

Пусть помолчит. Впервые за день — тишина.

Глава 3

На следующий день Ксанарис не собиралась идти на занятия. В расписании стояла всё та же праксеология.

Пусть и дальше пытаются открывать свои ядра. Но без меня.

Клара стояла у двери, уже одетая в форму, с сумкой через плечо. Она смотрела на Ксанарис так, словно та только что объявила о конце света.

— Ты... ты не идёшь? — в голосе соседки прорезалось то ли возмущение, то ли испуг.

— А ты что, не видишь? — Ксанарис стягивала через голову серую юбку, даже не глядя на неё.

— Ксанарис, ты только позавчера сюда приехала! — Клара шагнула вперёд, теребя край рукава. — Второй день — и уже прогул? Ты хоть понимаешь, что будет?

— А мне плевать.

— Люмен тебя убьёт, — выпалила Клара. — Директор отчислит. Или... или ещё что-нибудь хуже.

— Не дождётся.

Ксанарис бросила форму на кровать и потянулась к своему платью. Клара замерла в дверях, не зная, уйти или остаться.

— Послушай, — голос её стал тише, почти заговорщицкий. — Я понимаю, что вчерашний день был... тяжёлый.

Но не стоит начинать с прогулов. Они здесь за этим следят. Я вчера слышала, как двое старшекурсников шептались — кого-то уже отчислили за пропуск первого дня.

— Пусть следят, — Ксанарис застёгивала воротник, любясь собой в зеркале. — Меня это не касается.

— Ксанарис...

— Клара. — Она обернулась наконец, и в её жёлтых глазах было столько холода, что соседка осеклась. — Иди на свой урок.

Клара ещё секунду помедлила, словно собираясь возразить. Потом развернулась и вышла, хлопнув дверью.

Вот пристала.

Ксанарис собрала форму в сумку и вышла в сад, надеясь остаться незамеченной. Она окинула двор взглядом-никого.

Ксанарис быстрым шагом прошла через сад, миновала фонтан с мраморной лепниной и свернула к главным воротам. У входа стоял тот самый каменный голем, только молчаливый и покинутый. О нем все забыли до следующего учебного года.

Только бы не встретить этого... Люмена.

Она шагнула за ворота — и мир изменился. Воздух за стенами пах пряностями и свежей выпечкой. Вчера она почти ничего не ела — только тот дурацкий торт, который казался самым вкусным в столовой, — и сейчас желудок предательски сжался.

Сначала к швее. Потом за едой.

Город встретил её шумом. Улицы здесь были светлыми, мощёными белым камнем, по обеим сторонам тянулись лавки с яркими вывесками. Из открытых окон доносилась музыка — кто-то играл на лютне. Мимо прошла женщина в пышном платье, ведя за руку ребёнка в нарядном камзолчике. Ксанарис отвернулась.

Она долго петляла по улочкам, пока не наткнулась на вывеску: «Мастерская Берты». Маленькое двухэтажное здание с облупившейся краской на ставнях и потускневшей медной ручкой на двери. Ничего общего с изящными ателье столицы, куда несколько раз возил её отец. Там ткани выбирали по бархатным каталогам, угощали вином, а портные кланялись при каждом слове. Здесь пахло пылью, мышинным гнездом и чем-то кислым — наверное, старой тканью, которая лежала слишком долго.

Берта оказалась пожилой женщиной с мозолистыми руками и усталым лицом. Из-за толстых стёкол очков она осмотрела Ксанарис так, словно оценивала не платье, а саму девушку.

Мда..

Ксанарис подошла к прилавку и небрежно бросила форму на деревянную стойку.

— Сошьёте мне такую же. Из самых дорогих тканей.

Женщина подняла усталые глаза. Молчала. Потом медленно провела пальцами по ткани формы, словно пробуя её на вкус.

— Дорогие ткани здесь не водятся, мисс. Есть шерсть, есть хлопок. Шёлк привозной — в три раза дороже.

— Мне всё равно. Шёлк. Чёрный. Мне нужно через три часа. За срочность доплачу.

Глаза женщины при слове «доплачу» загорелись. Она протянула руку к свёртку, развернула край и прищурилась, рассматривая чёрную юбку и жакет.

— Десять золотых. И это с учётом срочности.— Согласна.

Женщина кивнула и достала из ящика стола моток мерной ленты.

— Прошу сюда, мисс. Встаньте на подиум.

"Подиумом" оказалась просто перевёрнутая деревянная бочка, накрытая чистой тряпкой. Ксанарис брезгливо посмотрела на неё, но встала.

Женщина сняла мерки, касаясь её холодными, но уверенными пальцами. Ксанарис стояла ровно, с каменным лицом, любуясь собой в зеркале. Бледная кожа, спортивная фигура с широкими плечами — результат ежедневных тренировок. В зеркале на неё смотрела та, кем она и должна была быть — не "полудракон", а принцесса крови.

Женщина случайно задела копну волос Ксанарис.

— Ай! Вы что, не можете аккуратней?

— Извините, мисс, — Берта даже не подняла глаз. — Волосы длинные, путаются. Не двигайтесь.

— Заканчивайте скорее, мне некогда тут с вами...

— Ткань будет готова к сроку, — ровным голосом пре-

рвала её Берта. — А теперь сойдите. Мне нужно записать параметры.

Ксанарис чуть не огрызнулась, но осеклась.

Эта старуха не боится меня. Совсем. В столице портные за такое слово дрожали бы.

Женщина кивнула и записала последние параметры в потрепанную тетрадь.

— Сделаю всё в срок, как вы и говорили. Приходите через три часа.

Ксанарис, не оборачиваясь, вышла из лавки. Она двинулась дальше, уже прикидывая, где можно перекусить. Улицы здесь были уже, дома теснились друг к другу, из окон выглядывали горшки с геранью. Где-то вдалеке звенел колокольчик — наверное, торговец с водой. Ксанарис вдыхала эти запахи — дрожжевое тесто, жареный лук, дым от очагов — и чувствовала, как впервые с момента поступления отпускает напряжение в плечах. Она свернула за угол — и вдруг что-то резко дёрнуло её за подол.

Она недовольно обернулась. Грязная маленькая рука крепко вцепилась в край её платья, оставляя на дорогой ткани тёмное пятно. Сердце пропустило удар. На неё смотрел человеческий ребёнок. Грязный, в рваной одежде, с огромными глазами на тощем лице.

— Тётя, купите булочку, — жалобно попросил мальчик. Он шепелявил, у него не хватало нескольких зубов. Ксанарис растерянно замерла.

— Не смей ко мне прикасаться, — сказала она резко. — Твои родители не учат тебя, что незнакомых трогать нельзя?

Малыш расплакался. Ксанарис стояла посреди улицы, ошарашенная. Мимо шли люди, но никто не обернулся.

— А ну перестань плакать, — сказала она тише.

Мальчик зарыдал громче.

— Слышишь меня? Немедленно замолчи.

От тона Ксанарис малыш перестал плакать и смотрел на неё своими пронзительными голубыми глазами.

— Купите булочкуууууу, — его просьба снова стала переходить в плач. Ксанарис сжалась от дискомфорта.

— Если замолчишь, куплю, — резко сказала она. Она стала смотреть по сторонам в поисках булочной. Неподалёку действительно была одна. Приятный запах теста, дрожжей и мёда витал в воздухе, приманивая прохожих. Она быстрым шагом направилась туда. Ребёнок, едва поспевая, бежал за ней. Она открыла дверь пекарни и строго сказала:

— Ну, говори, что тебе нужно.

Ребёнок, облизываясь, стал рассматривать прилавок и выбирать булочки. Он выбрал пышную булочку с нежным кремом сверху.

— Дайте одну такую, — Ксанарис, обращаясь к продавцу, ткнула пальцем в прилавок.

Мужчина-продавец недовольно смотрел на мальчика и не сразу обратил внимание на Ксанарис.

— Вы слышите? Булку мне продайте.

Продавец, слегка растерявшись, положил булочку в коричневый пакет и протянул Ксанарис. Мальчик тут же стал тянуть руки к нему. Ксанарис взяла пакет и не глядя сунула его ребёнку. Тот схватил булочку обеими руками и впился зубами, даже не успев отойти от прилавка. Крем размазался по щеке, крошки посыпались на грязную рубашку.

Как животное.

Ксанарис стояла и смотрела, как мальчик жуёт, давясь и улыбаясь одновременно.

— Спасибо, тётя! — выпалил он с набитым ртом.

Ксанарис развернулась и быстро пошла прочь. *Надеюсь, сейчас он отстанет.*

Но мальчик, прижимая к груди драгоценную булочку, побежал следом.

— Тётя, тётя, а вы из академии?

— Тебе какая разница? — не оборачиваясь, бросила Ксанарис.

— А можно ещё булочку?

— Нет.

Она прибавила шаг. Мальчик не отставал. Его босые ноги шлёпали по мостовой.

— Ты куда идёшь? — спросила Ксанарис, резко остановившись.

Ребёнок чуть не врезался в неё.

— Домой, — просто ответил он и показал рукой в переулок.

Ксанарис посмотрела в ту сторону. Тёмный, узкий проход между домами. Этот переулок разительно отличался от светлых улиц по всему городу, это был кусок мира, который сияющий город вычеркнул и забыл.

Как там вообще можно жить?

— Иди, — сказала она сухо. — Булочку доешь дома.

Мальчик кивнул, сунул драгоценный пакет за пазуху и юркнул в переулок. Ксанарис осталась стоять на углу. Сжала кулаки. Ладони вспотели.

Зачем я вообще купила эту булочку?

Ответа не было. Только глухое раздражение на себя — странная тяжесть в груди, которую она не умела называть.

Она заставила себя выбросить эту встречу из головы и двинулась дальше.

Нужно перекусить. И забыть.

Она зашла в небольшую таверну на углу площади. Внутри было полутемно, пахло жареным мясом и кислым пивом. Тяжёлые дубовые столы, закопчённые балки под потолком, жирные свечи в железных подсвечниках. За столами сидели в основном мужчины — торговцы в потёртых камзолах, ремесленники с грубыми руками, пара стражников у очага. Но в углу, у дальней стены, она заметила знакомые силуэты. Чёрная ткань. Форма академии.

Студенты.

Ксанарис выбрала столик у окна, села спиной к ним.

Лучше тут, подальше от всякого местного сброда.

Подошла служанка — полная женщина с красным лицом и запахом чеснока изо рта. Ксанарис заказала суп и рыбу, даже не глядя в меню.

Еда пришла быстро. Суп оказался горячим, с кусками жирной говядины, рыба — пересоленной, но есть можно было.

Даже это лучше, чем в столовой.

Она уже доедала, когда голоса из угла стали громче. Она не видела их, но слышала каждое слово. Это почти всё что ей досталось от наследия отца.

— Мне тут про одну первогодку рассказали — сказал один, с гнусавым смешком. — Дракониha. Или полудрако-ниha. Короче, полукровка.

— А то, — отозвался второй, хриплый. — Думает, лучше всех. А её уже на первом занятии Люмен опустил.

Ксанарис замерла. Пальцы сжали вилку так, что костяшки побелели.

— «Полудракон», — процитировал третий, прыснув. — Она аж подскочила, вся тряслась от злости. А он её — щёлк! — и на место.

— А она ничего сделать не могла, — хохотнул гнусавый. — Так и сидела, пока он её держал.

— Да она думала, её тут все бояться будут, а её — щёлк! — и припечатали.

Ксанарис медленно положила вилку. Она сидела не двигаясь, но внутри всё кипело.

Ничтожество. Распускают слухи, хотя сами ничего не видели. И ещё смеются.

— А говорили, она дочь одного из драконов-защитников, — продолжал гнусавый. — Только за отцом и может прятаться.

— Да ей до нашего Люмена как до звезды.

Ксанарис резко встала. Стул с грохотом отодвинулся. Она обернулась и подошла к углу. Трое. Один — толстый зверолод с прыщавым лицом и мелкой серой шерстью на скулах, второй — тощий человек с рыжими бровями, третий — кудрявый, с наглой ухмылкой.

Как такие как они смеют открывать рот?

Они все смотрели на неё — и не ожидали, что она их слышала.

— Вам есть чем заняться, кроме как сплетни собирать? — голос её звучал ровно, но в нём звенел лёд. — Или вы настолько никчёмные, что только и можете, что языками чесать за чужой спиной? Прыщавый зверолод попытался ухмыльнуться, но вышло криво.

— Мисс, вы чего? Мы ничего...

— Я слышала, — отрезала она. — Каждое слово. Она сделала шаг к ним. Воздух вокруг её пальцев потемнел, потрескивая, словно перед грозой.

— Хотите проверить, слабая ли я? Выйдем сейчас на улицу. Без кураторов.

Парни переглянулись. Рыжий побледнел. Кудрявый опу-

стил взгляд.

— Мы... мы просто так, — пробормотал прыщавый. — Шутки...

— Очень смешно, — сказала Ксанарис ледяным тоном. — Запомните. Ещё раз услышу — и некому будет пожаловаться Люмену.

Она хищно улыбнулась уголком рта и бросила на стол монету. Больше, чем стоила еда. И, не оборачиваясь, вышла. На улице её трясло.

Ничтожества. Прыщавые крысы.

Она прислонилась к стене таверны, пытаясь унять дрожь в руках. Медленно разжала кулаки и посмотрела на ладони. На них всё ещё пульсировали остатки эфира.

Они увидят. Все увидят. Когда придёт время.

Она выпрямилась, одёрнула платье. Грязное пятно от руки ребёнка всё ещё темнело на подоле — она и не подумала его стереть.

А пока... я просто запомню каждого.

Она оттолкнулась от стены и зашагала прочь. Ноги вели сами — мимо лавок, мимо женщин с корзинами, мимо ребёнка, который бежал за матерью, держась за её руку. Она стиснула зубы и смотрела только под ноги, пока не вышла на ту же площадь, где несколько часов назад всё началось.

Мысль о форме пришла внезапно — как будто кто-то дёрнул её за ниточку.

Уже должна была закончить.

Ксанарис повернула к знакомой улице. Дом с облупившейся краской на ставнях стоял там, где и остался, но теперь она смотрела на него другими глазами.

Уважение? Нет. Не уважение. Просто интерес.

Она презрительно фыркнула собственной мысли и толкнула дверь. Берта уже ждала. На прилавке лежал аккуратно сложенный свёрток — из дорогой, мерцающей ткани, перевязанный шёлковой лентой.

Постаралась.

— Ваш заказ, мисс, — женщина чуть склонила голову. — Как и просили, к трём часам.

— Покажите, — Ксанарис кивнула на свёрток.

Берта развернула ленту. Из серой казённой ткани форма преобразилась. Те же линии, тот же покрой — но из плотного, благородного материала, с тонкой серебряной нитью по вороту и рукавам.

Жаль что нельзя куда деть этот идиотский изумрудный галстук.

Ксанарис взяла форму в руки. Ткань приятно холодила пальцы, переливалась при свете. Она провела большим пальцем по серебряной нити — стежок к стежку, ни одного изъяна. Руки швеи, шершавые и мозолистые, сделали работу, которую в столице доверили бы только мастеру с именем.

Не думала, что такие руки могут сотворить такую тонкую работу.

— Принимаю, — сказала она.

Сложила форму обратно в свёрток, даже не взглянув на швею второй раз. Но вот руки предательски замерли на мгновение, пальцы чуть сжали мерцающую ткань, прижимая её к груди с какой-то дурацкой бережностью, будто это не просто заказ, а нечто хрупкое и живое.

С какой это стати? Обычная тряпка.

Она фыркнула собственному идиотскому порыву, но свёрток так и остался прижатым к груди, пока она шагала к двери.

— Всего доброго, мисс, — прошелестело вслед.

Ксанарис не ответила. Вышла на улицу, сжимая пакет, и двинулась к академии.

Она шла обратно тяжёлым шагом. Город больше не казался ей интересным. Люди не раздражали — они были просто... фоном. Серым, безликим и чужим. Запах жареного лука, который час назад казался таким живым, теперь просто бил в нос. У ворот академии её окликнул знакомый голос:

— Мисс Азурейн.

Она не хотела оборачиваться. Но ноги остановились сами. Теодор Люмен стоял у столба с фонарём, заложив руки за спину. Он её ждал. Знал, что она ушла.

— Вы прогуляли три пары, — сказал он без приветствия.
— Это не останется без последствий.

— Мне всё равно, — устало ответила Ксанарис. — Мне ваши лекции не нужны. Я всё это знаю.

— Ваше высокомерие, — Люмен сделал шаг к ней, — это

не знание. Это самообман. Вы боитесь, что, придя на занятие, обнаружите: другие в чём-то лучше вас. Что у них получится то, что у вас — нет.

Ксанарис замерла. Внутри что-то болезненно дёрнулось — как будто он протянул руку и сжал ей горло.

— Чушь.

— Тогда докажите. — Он смотрел на неё спокойно, без насмешки, и это было хуже насмешки. — Придите ко мне на индивидуальную практику. И покажите, на что способны. Без чернильниц, — добавил он с лёгкой усмешкой.

Ксанарис сжала пакет с формой так, что пальцы побелели.

— Да-да. Как-нибудь в другой раз, — бросила она и зашагала прочь.

— Мисс Азурейн, — голос его догнал её уже у самых дверей. — В городе за последний месяц пропали трое детей. Будьте осторожнее, когда гуляете в одиночку.

Ксанарис остановилась. Обернулась.

Но Люмен уже шёл в другую сторону — ровным, спокойным шагом, даже не оглядываясь.

Она стояла и смотрела ему в спину, не в силах вымолвить ни слова.

Что за дурацкое предупреждение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.